

А.Н. Петров

**Пятидесятилетие научной
разработки славянских
источников для биографии
Кирилла и Мефодия**

(1843-1893)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А.Н. Петров
A11 Пятидесятилетие научной разработки славянских источников для биографии Кирилла и Мефодия: (1843-1893) / А.Н. Петров – М.: Книга по Требованию, 2012. – 58 с.

ISBN 978-5-458-11560-5

Статья, приуроченная к полувековому юбилею появления в печати исследования А.В. Горского "О св. Кирилле и Мефодии", заключавшем в себе описание неизвестных еще в науке житий славянских первоучителей.

ISBN 978-5-458-11560-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сообщеніе Погодина скромный профессоръ отвѣчалъ: „Покорнѣйше благодарю васъ за ободреніе. Мнѣ утѣшительно видѣть, что мысль, давно меня занимавшая, и по суду опытнѣйшихъ, не мечта. Особенно драгоценнымъ мнѣ кажется житіе Кирилла. При объясненіи его я менѣе встрѣчалъ затрудненій, и его успѣшнѣе можно отстаивать“ (Барсуковъ. VII, стр. 165).

Съ выходомъ въ свѣтъ 6-ой книжки Москвитянина открытіе Горскаго и завѣтная мысль его предстали на судъ всего ученаго міра. Ниже мы узнаемъ, какъ отнеслись ученые къ изслѣдованію московскаго профессора, а теперь укажемъ его значеніе для кирилло-меоодіевской литературы того времени.

До 1843 г. біографія славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меоодія составлялась обыкновенно по латинскимъ источникамъ (итальянской легендѣ и такъ называемому зальцбургскому меморандуму), отчасти по греческому житію св. Климента. Горскій прибавилъ къ нимъ еще славянскія житія свв. братьевъ, и эти памятники, по богатству и свѣжести содержащагося въ нихъ матеріала, должны были отодвинуть прежніе источники на второй планъ. Прежняя біографія первоучителей теперь уже не годилась; ее надо было заново передѣлать сообразно со вновь открытыми житіями. Статья Горскаго и представляетъ первый опытъ такой біографіи. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ ней вновь появляющіяся біографическія данныя подвергнуты серьезной исторической критикѣ, а въ началѣ статьи представлены общія соображенія о мѣстѣ и времени происхожденія новыхъ источниковъ.

Открытіе Горскаго возвращало русской, да и вообще славянской, литературѣ пропавшія были (по выраженію Погодина) „безъ вѣсти“ славянскія житія славянскихъ первоучителей; кирилло-меоодіевская критика обогатилась новыми данными для возстановленія біографіи славянскихъ апостоловъ, и вопросъ о происхожденіи вновь открытыхъ источниковъ теперь занялъ въ ней первое мѣсто. Цѣлый рядъ ученыхъ занялся продолженіемъ изслѣдованія Горскаго, которое было принято, какъ опорный, исходный пунктъ для

дальнѣйшихъ предположеній и выводовъ по данному вопросу; вслѣдъ за пространными житіями проникли въ научную кирилло-меоодіевскую литературу и другіе славянскіе источники для біографіи славянскихъ апостоловъ. Таковы были послѣдствія изслѣдованія московскаго профессора.

Вызванное статьею Горскаго научное движеніе не прекратилось и по-нынѣ. Поднятый въ ней вопросъ и въ настоящее время требуетъ еще новыхъ и новыхъ изслѣдованій для своего окончательнаго разрѣшенія. Больше всего сомнѣній вызываетъ житіе Константина философа. Мнѣніе Горскаго, что памятникъ этотъ успѣшнѣе можно отставлять, чѣмъ житіе Меоодія, не оправдалось. Наоборотъ, въ настоящее время происхожденіе именно пространнаго кириллова житія составляетъ самый спорный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый главный вопросъ кирилло-меоодіевской критики. Въ интересахъ дальнѣйшей разработки этого вопроса мы считаемъ по лишнимъ выяснить его настоящее положеніе и съ этой цѣлью предлагаемъ его исторію. Приурочивая свою статью къ исполнившемуся въ нынѣшнемъ году полувѣковому юбилею появленія въ печати изслѣдованія Горскаго, мы считаемъ пріятнымъ для себя долгомъ посвятить ее памяти покойнаго русскаго ученаго ¹⁾.

I.

Результаты изслѣдованія Горскаго заключаются въ слѣдующемъ: житіе Меоодія написано въ Панноніи, послѣ смерти моравскаго святителя (885), но раньше паденія Моравіи (нач. X в.); авторъ его—ученикъ славянскихъ просвѣтителей, признававшій власть папы, но исповѣдавшій православный символъ вѣры. Въ житіи Константина Горскій не нашелъ рѣшительныхъ признаковъ его происхожденія; лишь на основаніи нѣкотораго сходства съ житіемъ Меоодія авторъ

¹⁾ Въ послѣднемъ томѣ (IX) Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрова мы не нашли біографіи Горскаго. Надѣмся, что редакція словаря не замедлитъ восполнить этотъ неопозволительный пробѣлъ.

заклучилъ, что оно принадлежит той же странѣ и тому же времени, гдѣ и когда появилось послѣднее. Рядомъ съ этими выводами Горскій поднимаетъ вопросъ о позднѣйшихъ вставкахъ въ житія. „Впроемъ, прибавляетъ онъ, въ житіи Кирилла нельзя незамѣтить дополненій Русскихъ“ (стр. 9) и затѣмъ указываетъ на два такіа дополненія. Въ изложеніи содержанія житій еще два сообщенія возбуждаютъ въ изслѣдователѣ сомнѣнія; изъ нихъ одно находится даже въ житіи не Кирилла, а Меодія. Эти указанія на позднѣйшія вставки въ житія ясно показываютъ, что выводы Горскаго не вполне приложимы къ житіямъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Происхожденіе настоящей редакціи житія не могло быть опредѣлено безъ рѣшенія вопроса, исчерпывается ли позднѣйшее вліяніе на житія указанными Горскимъ вставками. Горскій не рѣшаетъ этого вопроса, имѣя въ виду только показать историческое значеніе житій, до него оставшихся въ неизвѣстности и безъ употребленія. Такимъ образомъ изслѣдованіе памятниковъ въ историко-литературномъ отношеніи не входило въ программу статьи Горскаго или, по крайней мѣрѣ, не составляло ея главной задачи.

Главная цѣль изслѣдователя была достигнута, хотя не вполне: почти всѣ ученые согласились съ выводами Горскаго объ историческомъ значеніи житія Меодія, но къ житію Константина многіе отнесли съ недоумѣніемъ. Это недоумѣніе вполне понятно: оно вызывается прежде всего самимъ житіемъ, отсутствіемъ въ этомъ памятникѣ признаковъ, болѣе или менѣе твердо опредѣляющихъ его древнее происхожденіе. Доводы Горскаго, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ сходствѣ обоихъ житій, слишкомъ субъективны. Недостаточность ихъ признавалась и послѣдователями русскаго ученаго. Такъ, напр. Дюмлеръ считалъ необходимымъ доказать достовѣрность житія Константина независимо отъ житія Меодія ¹⁾. Викторъ поколебалъ отчасти самую основу, на которой держится заключеніе Горскаго. Въ своемъ изслѣдованіи „Новые источники и ученые труды

¹⁾ „Die Pannon. Legende v. h. Methodius“ Въ „Arch. für Kunde Oesterreich. Geschichtsquellen. 1854. Band XIII, S. 150.

для исторiи слав. апостоловъ“ („Кирилло-меѳод. сборникъ“. М. 1865 г. стр. 343 - 440), онъ называетъ паннонскимъ одно только житiе Меѳодiя, предполагая, что житiе Константина могло быть написано и не въ Паннони. Ваттенбахъ, согласившiйся съ мнѣнiемъ Горскаго въ обличъ его чертахъ, однако призналъ изслѣдованiе русскаго ученаго недостаточнымъ для того, чтобы включить житiя въ число первоисточниковъ для исторiи Кирилла и Меѳодiя. При всей вѣроятности многихъ извѣстiй, находящихся въ житiяхъ, Ваттенбахъ нашель, особенно въ житiи Константина философа, „Spuren, welche vor zu grossem zutrauen warnen müssen“²⁾).

Разъясненiе и устраненiе всѣхъ этихъ сомнѣнiй и противорѣчiй досталось на долю послѣдующихъ изслѣдователей житiя. Преемникамъ Горскаго предстояло полвергнуть критикѣ тѣ части житiя, которыя оставались еще неизслѣдованными, — рассмотреть только намѣченный вопросъ о позднѣйшемъ влiянii на памятникъ и выдѣлить изъ него позднѣйшiя вставки, если бы таковыя нашлись, — разобрать весь памятникъ со стороны формы и затѣмъ уже найти ему мѣсто среди произведенiй той или другой страны, той или другой эпохи и, по мѣрѣ возможности, того или другого лица. На самомъ дѣлѣ эта программа стала приводиться въ исполненiе съ конца. Начали съ того, что безъ дальнѣйшихъ изслѣдованiй памятника нерѣшительному мнѣнiю Горскаго придали вполне рѣшительный характеръ, назвавши оба житiя паннонскими и отнеся ихъ, по происхожденiю, не только къ одному времени и одной странѣ, но и къ одному автору; нашли даже имя послѣдняго: это былъ, по мнѣнiю большинства ближайшихъ (по времени) послѣдователей Горскаго, еп. Климентъ, ученикъ славянскихъ просвѣтителей. Литературная дѣятельность Климента, правда, твердо засвидѣтельствована предапiемъ, какъ въ житiи святителя, такъ и въ заглавiяхъ ко многимъ дошедшимъ до насъ про-

²⁾ Beitr. zur Geschichte d. christl. Kirche in Mähren u. Böhmen. Wien. 1849, S. 33.

изведеніямъ ¹⁾). Однако внѣшнихъ признаковъ принадлежно-сти ему, какъ автору, житій Кирилла и Меѳодія, не имѣется, такъ что доказать эту мысль, еслибы она была справедлива, можно было бы только на основаніи житій; между тѣмъ изслѣдованіе памятниковъ оставалось въ прежнемъ положеніи и никакихъ новыхъ данныхъ для такого точнаго рѣшенія вопроса не было найдено въ нихъ. Ясно, что рѣшеніе было высказано только на основаніи изслѣдованія Горскаго, какъ дальнѣйшее развитіе сдѣланныхъ имъ выводовъ.

Впрочемъ это злоупотребленіе изслѣдованіемъ Горскаго скоро встрѣтило отпоръ въ извѣстной статьѣ Викторова. Въ пей была рѣшительно отвергнута принадлежность еп. Клименту житія Меѳодія, принадлежность ему Кириллова житія оставлена подь сомнѣніемъ и высказано общее положеніе, что оба памятника „не могли принадлежать одному и тому же автору“ ²⁾). Кромѣ того въ статьѣ высказано сомнѣніе въ справедливости положенія самого Горскаго, что оба житія написаны въ одной странѣ; слѣдовательно неприкосновеннымъ оставлено только второе положеніе Горскаго объ одновременномъ происхожденіи житій, написанныхъ и по мнѣнію Викторова современниками славянскихъ первоучителей. Разумѣется, теперь понадобились новыя доказательства древняго происхожденія житія Константина философа. Викторовъ указываетъ ихъ въ простотѣ и безыскусственности разказа, равно какъ и въ его „необыкновенной“ подробности (стр. 105). По мнѣнію изслѣдователя, „находящіяся въ житіи подробности о первыхъ годахъ жизни Кирилла, о путешествіи къ Сарацинамъ, о посольствѣ Моравлянъ, о пребываніи въ Венеціи, Римѣ и проч. не могутъ не привести къ заключенію, что авторъ житія или былъ свидѣтелемъ описываемаго, или слышалъ все это отъ самого Кирилла или Меѳодія. Нѣкоторыя мѣста невольно застав-

¹⁾) „Кирилло-меѳод. сборникъ“, 403.

²⁾) Составленный первоначально Ундольскимъ („Чтенія въ Общ. Ист. в Древн.“ за 1848 г. кн. VII, отд. 1, стр. X—XI) списокъ произведеній Климента недавно былъ пересмотрѣнъ архим. Леонидомъ въ томъ-же журналѣ, за 1890 г. кн. III, и г. Пѣтуховымъ въ „Журн. М. Нар. Просв.“ за 1893 г. кн. IV.

ляют даже думать, что авторъ какъ будто велъ дневникъ событій, которыя онъ описываетъ“. Подтвердивъ свои слова ссылкой на помѣщенное въ житіи описаніе совершенной въ Римѣ славянской литургіи, Викторовъ продолжаетъ: „да и вообще въ житіи столько мелочныхъ подробностей, столько хронологическихъ и топографическихъ указаній, столько названій лицъ, мѣстностей, предметовъ, что все это могло сохраниться только въ памяти непосредственнаго свидѣтеля или участника событія или, по крайней мѣрѣ, слышавшаго о нихъ отъ самихъ дѣйствователей“ (406). Съ послѣднимъ мнѣніемъ автора нельзя не согласиться: дѣйствительно, если всѣ подробности, сообщаемыя въ житіи Константина философа, имѣютъ историческій характеръ, то житіе должно быть признано произведеніемъ современника славянскихъ апостоловъ, очевидца ихъ жизни и дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе цѣльнымъ и послѣдовательнымъ является въ настоящее время взглядъ на пространныя житія, принадлежащій проф. Голубинскому и Малышевскому. Но вопросъ въ томъ: можно ли и слѣдуетъ ли признать историческій характеръ всѣхъ указанныхъ Викторовымъ извѣстій? Горскій подвергнувъ исторической критикѣ только часть ихъ и то нашелъ признаки позднѣйшаго вліянія на житіе, нѣтъ ли позднѣйшихъ вставокъ и въ остальной, неразобранной части житія? не составляютъ ли нѣкоторыя „необыкновенныя“ подробности его простыхъ литературныхъ украшеній, столь обыкновенныхъ въ византійской агиологической литературѣ, съ которою составитель житія, конечно, былъ знакомъ? Для Викторова эти вопросы, повидимому, не существовали; по крайней мѣрѣ, въ его статьѣ они даже не затронуты. Такимъ образомъ и его выводы основаны не столько на изслѣдованіи памятника, сколько на личномъ впечатлѣніи, полученномъ отъ чтенія житія подъ вліяніемъ изслѣдованія Горскаго. Субъективность ихъ очевидна. Еще до Викторова было выражено (Ваттенбахомъ) сомнѣніе въ достовѣрности нѣкоторыхъ извѣстій житія, между прочимъ, его цифровыхъ данныхъ. Впослѣдствіи тѣже самыя подробности сказанія, которыя такъ обворожили Викторова, въ связи съ общимъ,—уже

не „безъ искусственнымъ“ и „простымъ“, а легендарнымъ— его характеромъ привели другихъ ученыхъ къ убѣжденію въ его позднѣйшемъ происхожденіи, въ то время, когда „жизнь и дѣятельность Кирилла облеклась уже въ образъ легенды“¹⁾.

Такое крупное разногласіе въ оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же фактовъ обуславливалось, очевидно, разностью точекъ зрѣнія на житіе. Одни изслѣдователи, подобно Викторову, примыкали къ изслѣдованію Горскаго и, не вполнѣ усвоивши себѣ его главную цѣль и дѣйствительное значеніе, судили о всемъ памятникѣ по тѣмъ извѣстіямъ, достовѣрность которыхъ доказывается Горскимъ и нѣкоторыми его послѣдователями; другіе брали памятникъ во всемъ его объемѣ, по въ основу своего мнѣнія полагали, наоборотъ, писемъ изслѣдователя его сообщенія, которыя признавались ими за недостовѣрныя, легендарныя. Понятно, что первая точка зрѣнія должна значительно скрадывать то неблагопріятное впечатлѣніе, которое производятъ особенно нѣкоторыя части житія на представителей противоположнаго направленія; наоборотъ, вторая точка зрѣнія должна располагать ученыхъ, усвоившихъ ее, видѣть сказку иногда и въ тѣхъ извѣстіяхъ, историческая достовѣрность которыхъ у первыхъ изслѣдователей не подвергается сомнѣнію. Въ результатѣ получается существенное разногласіе по весьма важному въ славянской исторіи вопросу, которое раздѣлило ученый міръ на два лагеря.

Какъ извѣстно, споръ остается нерѣшеннымъ и въ настоящее время. Съ прежнимъ недоуверіемъ отнесся къ житію Константина г. Бильбасовъ и въ 1885 году, въ юбилейной

¹⁾ Бильбасовъ „Кирилль и Меѳодій“ ч. II, стр. 14. Ср. мнѣніе Гильфердинга въ „Кир.-Мее сборн.“, стр. 152 и прим. на стр. 163. Григоровичъ относилъ житіе прямо къ XIV в. Ibid., стр. 263; въ извѣстномъ изслѣдованіи Гипцеля: „Gesch d. slav. apostel Cyr. u. Meth. und d. slav. Liturgie“. Wien. 1861 (изд. 2)—житіе Константина, какъ историческій источникъ, даже не удостоивается критики. Въ „Essai de Chronographie Byzantine“ Муральта (1855 г.) также не находимъ ссылокъ на житіе, хотя памятникъ былъ извѣстенъ автору, и дѣятельность славянскихъ апостоловъ зат. огивается неоднократно.

статьѣ: „свв. Кирилль и Меѳодій“¹⁾). Въ томъ же духѣ высказался на юбилейномъ торжествѣ въ Московскомъ университетѣ г. Барсовъ, признавшій житіе Константина философа русскимъ произведеніемъ XII в.²⁾ Годомъ раньше сомнѣнія въ достовѣрности житія были высказаны о. Мартыновымъ въ его изслѣдованіи итальянской легенды³⁾). Къ сожалѣнію, со стороны скептиковъ не сдѣлано даже попытки доказать свое мнѣніе⁴⁾). Такимъ образомъ и мнѣніе скептиковъ является въ литературѣ съ тѣмъ-же, даже большимъ еще, характеромъ субъективности, какъ и изложенное мнѣніе послѣдователей Горскаго. Тѣмъ не менѣе самый фактъ упорнаго существованія „ереси“ въ теченіе десятковъ лѣтъ уже доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, неубѣдительность „ортодоксальнаго“ мнѣнія, побуждая представителей послѣдняго къ бѣльшей внимательности въ своихъ изслѣдованіяхъ. Къ сожалѣнію такого благотворнаго вліянія скептическаго направленія не замѣтно въ нашей литературѣ: большинство послѣдователей Горскаго (Дюмлеръ, Вороновъ) развиваетъ свои положенія, мало соображаясь съ возраженіями скептиковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ невниманіе къ противнику проявляется даже въ болѣе рѣзкой формѣ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ остановиться на сочиненіяхъ проф. Лавровскаго († 1883 г.) и Малышевскаго.

Покойный Лавровскій совсѣмъ не хотѣлъ признавать отмѣченнаго выше разногласія въ оцѣнкѣ пространныхъ житій. По его мнѣнію, „въ главномъ *всѣми* принята мысль (Горскаго) о несомнѣнной древности, обстоятельности въ описаніи и исторической вѣрности, дающихъ право ставить эти житія (пространныя) въ число первоисточниковъ по вопросамъ о жизни и трудахъ Константина и Меѳодія“; послѣдующее время послѣ 1843—50 годовъ, утверждаетъ Лавровскій, новыми открытіями памятниковъ, относящихся къ тѣмъ-же лицамъ, и новыми учеными соображеніями и разъ-

*) Кіевъ 1886 г. (Оттискъ изъ „Тр. Кіевск. Д. Ак.“ за 1885 и 1886 гг.).

*) „Новь“ № 11.

*) „Чт. въ Общ. ист. и древн.“, кн. I, стр. 23.

3) „Revue des Questions historiques“, 71-e liur., p. 124.

ясненіями еще болѣе упрочило это положеніе за Паннонскими житіями“, такъ что „въ настоящее время сократились почти до нуля и немногія сомнѣнія и недоразумѣнія, возникшія въ первые годы открытія“ памятниковъ „относительно нѣкоторыхъ частныхъ“¹⁾.—Проф. Малышевскій въ обширномъ изслѣдованіи: „св. Кириллъ и Меѳодій первоучители славянскіе“²⁾,—задается цѣлью, между прочимъ, „яснѣе и тверже установить историческую значимость тѣхъ извѣстій „Житій“, какія оставались менѣе другихъ уясненными или болѣе другихъ подпали сомнѣніямъ и возраженіямъ относительно исторической достовѣрности ихъ“. Это предисловіе возбуждаетъ въ читателѣ надежду, что г. Малышевскій не станетъ замалчивать спорныхъ вопросовъ, какъ его предшественникъ, а постарается выяснитъ ихъ и, по крайней мѣрѣ, дастъ имъ серьезную постановку. Но смѣло можно сказать, что читателя, приступающаго къ изслѣдованію проф. Малышевскаго съ такими надеждами, ждетъ большое разочарованіе. Почему книга не достигаетъ своей апологетической цѣли, становится понятнымъ по прочтеніи напечатаннаго въ концѣ приложенія: „Олимпъ, на которомъ жили свв. Константинъ и Меѳодій“. Здѣсь въ доказательство своего положенія, что на малоазійскомъ Олимпѣ, на которомъ и жили, по мнѣнію автора, солунскіе братья, въ IX в. монашество было сильно развито, г. Малышевскій знакомитъ съ житіями нѣкоторыхъ олимпійскихъ подвижниковъ. Этими же памятниками профессоръ пользуется затѣмъ и для того, чтобы подкрѣпить свое убѣжденіе „въ полной исторической достовѣрности Житій во всемъ фактическомъ содержаніи ихъ“ и въ томъ, что Житія писаны каждое вскорѣ послѣ кончины одного и другого изъ св. братьевъ³⁾. „Въ числѣ

¹⁾ Третья часть изслѣдованія г. Бильбасова, въ которой долженъ быть разборъ пространнаго житія Константина, повидному, давно готова, но почему-то, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается не напечатанною.

²⁾ „Итальянская легенда“ въ „Ж. М. Нар. Пр.“, ч. CCXLVI, стр. 19.

³⁾ Вслѣдъ за проф. Голубинскимъ, авторъ полагаетъ, что „Житіе Константина написано еще при жизни Меѳодія и подъ его руководствомъ“.

доказательствъ болѣе поздняго происхожденія (пространныхъ житій), вообще слабыхъ и неопредѣленныхъ, утверждаетъ авторъ, — ставится и то, что Житія эти писаны уже тогда, когда память св. братьевъ чтилась, какъ святыхъ, когда образъ ихъ созерцался на довольно значительномъ отдаленіи, съ чертами легендарнаго свойства и т. п. Но о всѣхъ (?) знаменитѣйшихъ подвижникахъ Олимпа... знаемъ, что Житія ихъ писаны скоро послѣ ихъ кончины ихъ учениками, сподвижниками, друзьями. Тоже знаемъ и о многихъ другихъ подвижникахъ. Почему-бы явилось исключеніе только (?) для свв. Константина и Мсоодія? Въ ихъ дружищѣ и были именно такіе книжные люди, которые способны были сейчасъ же сложить ихъ житія. А необычайность ихъ подвига и служенія развѣ не вызывали на такой трудъ ихъ почитателей и тѣмъ болѣе, что этимъ трудомъ, т. е. описаніемъ жизни и служенія св. братьевъ, требовалось дать назиданіе и утѣшеніе ученикамъ св. братьевъ, оправдать и защитить ихъ дѣло, подвергавшеся нападкамъ при ихъ жизни и послѣ кончины?“ (стр. 477).

Все приведенное разсужденіе представляетъ одно сплошное недоразумѣніе. Проф. Малышевскій не говоритъ, откуда взялъ опровергаемое имъ доказательство поздняго происхожденія пространныхъ житій; вѣроятно, оно должно составлять общее достояніе скентической школы. Дѣйствительно, скептики (напр. Гильфердингъ, Бильбасовъ) относятъ происхожденіе житія Кирилла философа къ тому времени, когда образъ его — скажу словами профессора — „созерцался на довольно значительномъ отдаленіи, съ чертами легендарнаго свойства“, но въ аргументаціи скептиковъ эта характеристика времени происхожденія памятника играетъ роль отнюдь не доказательства, какимъ его представляетъ нашъ авторъ, — а самаго положенія, которое требуется доказать. Вотъ какъ излагаетъ это мнѣніе г. Бильбасовъ: „Чудеса, которыя приписываютъ Константину съ перваго же дня его рожденія, чудесные сны, которые онъ видитъ, притчи, которыя влагаются ему въ уста, наконецъ все построеніе житія очевидно указываютъ“ (иначе говоря, служатъ доказательствомъ того мнѣнія), что пространное житіе „составлено въ то время, когда жизнь